
Дара Вейн
Свекровь с того света
18+

Дара Вейн

Свекровь с того света

«Автор»
2026

Вейн Д.

Свекровь с того света / Д. Вейн — «Автор», 2026

Она умерла за десертом - со словами «не могу». Но отказаться контролировать жизнь сына оказалось сложнее, чем умереть. Дженнифер выходит замуж за идеального мужчину. Проблема одна: его мама никуда не собирается уходить. Даже с того света.

© Вейн Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
ГЛАВА 1 7
ГЛАВА 2 8
ГЛАВА 3 9
ГЛАВА 4 10
ГЛАВА 5 11
ГЛАВА 6 13
ГЛАВА 7 14
ГЛАВА 8 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Свекровь с того света

ДАРА ВЕЙН

СВЕКРОВЬ С ТОГО СВЕТА

роман

2026

ПРОЛОГ

Похороны Беверли Блейк прошли великолепно. Это единственное, что Беверли была готова признать. Цветы были белые, как она заказывала, - правда, орхидеи оказались не те, но тут она была готова списать на говнокачественную флористку Мариту. Гроб был полированный, орех, заказанный ещё при жизни - Беверли Блейк готовилась к смерти так же, как к званому вечеру: со списком, дедлайном и апелляцией. К случаю вышли даже гримёры - хорошие, из студии на Мелроуз, но подводили глаза хуже, чем она сама, и Беверли мысленно вычеркнула их из списка приглашённых на свой второй день рождения - тот, который ей обещала религиозная литература и который она, вся жизнь подписанная на скептицизм, собиралась потребовать как минимум по гарантии.

Панегирик читала Сьюзен Кэссиди, ведущая светской хроники "Холмов", конкурентка Беверли по всем фронтам уже тридцать лет. Она плакала. Беверли смотрела на эти слёзы с высоты своего нового положения и думала, что и в гримёрке у Сьюзен были лучшие годы.

"Беверли Блейк была душой этого города", - говорила Сьюзен.

"Душой - да, - соглашалась Беверли, кружа над первым рядом. - Душой и вкусом. И вкусом - душой. А ты - как всегда - хромаешь на правду".

Присутствовали двести сорок человек. Беверли пересчитала - привычка. Отсутствовал сын.

Ник стоял у самой двери. Последний ряд, спина к спине со стеной, лицо белое, как меню в дешёвом кафе. Он не подошёл к гробу. Он вообще не смотрел на гроб. Он смотрел на пол.

"Он не подошёл к гробу, - отметила Беверли для себя. - Это надо запомнить".

Она запомнила. Это было последнее, что она запомнила в тот день, потому что в тот же день ей вручили повестку: до полного удаления на ту сторону оставалось - по примерным подсчётам пахнущей ладаном тёти Мод, умершей в семьдесят девятом, - ровно столько, сколько нужно, чтобы увидеть, кого сын выберет себе в жёны.

"Если он выберет эту", - сказала тётя Мод, поправляя вуаль.

"Какую эту?"

"Ту, которая ему нравится, - сказала Мод. - Такие всегда во всём виноваты".

И Беверли поняла, что умерла во вторник, и это, разумеется, не была её идея.

ГЛАВА 1

Дженнифер Миллер приехала в Беверли-Хиллз из Кливленда с двумя чемоданами, дипломом художника-графика и одной профессией, которую можно унести в кармане. Она писала от руки. Красиво. С завитками, с наклоном, с теми самыми большими буквами в начале имён, которые в компьютерную эпоху внезапно снова стали стоить денег, потому что богатым людям нельзя печатать свадебные приглашения из принтера - от этого у них что-то отмирает, если верить Дженнифер, которая не знала богатых.

"Писец по именам" - так её называла Хлоя, подруга, фотограф, соседка по съёмной квартирке с одной спальней и вечным запахом чужого жасмина. "Писец по именам и надежда модерна", - уточняла Хлоя и фотографировала её руки для портфолио.

Лавка называлась "Перо и свадьба" и принадлежала старому греку, который держал её сорок лет и называл всех клиентов "мадам" и "сэр", даже когда те были никем. Дженнифер там работала три года.

В четверг в лавку вошёл мужчина в сером пиджаке и положил на прилавок список.

"Мне нужно триста конвертов, - сказал он. - От руки. Адреса..."

Дженнифер взяла список. Это были адреса для рассылки благотворительных писем фонда имени Беверли Блейк. Имя ничего ей не говорило - она была из Кливленда, а не из хроники "Холмов".

"Красивые почерки тут два, - сказала она. - Мой и этот, - она подняла руку с образцами."

Мужчина посмотрел на её руку, потом на неё. Он был высокий, в манере людей, привыкших, что вокруг них оставляют пустое место.

"Вы пишете так, как пели бы, если бы пели", - сказал он.

"Я не пою".

"Значит, вам крупно повезло".

Он назвался Ником Блейком. Архитектор. Фонд - памяти матери.

"Мама, - сказал он, и было видно, что это слово ему тяжело и ново. - У неё был свой почерк. Она писала приглашения всем в этом городе. Мне нужно, чтобы кто-то продолжил".

"Продолжил что?"

"Писать красиво, - сказал он. - Это не обязательно почерк. Это скорее позиция".

Дженнифер взяла список, насчитала триста адресов, из которых двести девяносто были на "Уилшир", и сказала:

"К пятнице".

"К пятнице", - повторил Ник Блейк и не ушёл сразу - он стоял и смотрел, как она пишет. В лавке было тихо, пахло пергаментом и кофе, и за окном по Роудио-Драйв проезжали машины, у которых были более дорогие права на дорогу, чем у некоторых стран.

"Что вы пишете?" - спросил он.

"Ваше имя, - сказала Дженнифер и показала ему. - Хотите, подпись?"

На бумаге стояло: "Николас Блейк". Буква "Б" была написана с изящным изломом, каким обычно рисуют крыло лебедя.

"Мама писала так же, - сказал Ник тихо. - Ту же самую букву".

Он заплатил наличными, слишком много, и ушёл, а Дженнифер сидела и думала, что триста конвертов - это нормальная жизнь. Она не знала ещё, что почерк - это всегда след, и кто-то по нему однажды придёт.

ГЛАВА 2

А теперь отмотаем на год назад - в особняк на Каньон-роуд, где жила Беверли Блейк и, по её личному убеждению, весь город.

Особняк был построен в тридцатые, отреставрирован в восьмидесятые и с тех пор не менялся, потому что менялась мода, а Беверли - нет. В холле стояла лестница в два пролёта, на стенах висели портреты Беверли в четырёх возрастах, и все четыре - в жемчуге.

Беверли было шестьдесят один. Она была дважды разведена, однажды почти в третьем браке и бесконечно уверена. Каждое воскресенье она публиковала в собственной колонке "Беверли об этом" список людей, которые за неделю сели, развелись, разбогатели или потеряли вкус. Город этот список читал. Город этот список боялся.

Сын Ник. Одно дитя. Двадцать девять лет. Три года встречался с Меган Прескотт - из семьи Прескоттов, с виллой в Пасадине, с отличным здоровьем, с дипломом и со свекровью-легендой. Меган была идеальной невестой. Беверли сама её выбрала - на балу в честь Дня благодарения, по списку, составленному задолго до бала.

"Меган идеальна", - сказал Ник однажды.

"Разумеется, - сказала Беверли. - Я её выбрала".

"Мама, я тебя не о том спрашиваю".

"Ник, - сказала Беверли, поднимая бокал. - Любовь - это то, что случается с людьми, у которых не было плана".

И вот в тот вечер - в октябре, за десертом, на закрытом званом ужине в честь празднования помолвки Ника и Меган, на которую Меган уже заказала торт, - Ник Блейк поднялся, и у него был тихий голос, а тихий голос - всегда страшнее громкого.

"Меган, - сказал он. - Я не могу на тебе жениться".

Беверли сидела во главе стола. Бокал был в руке. Рот был открыт, чтобы сказать что-то последнее и окончательное - как всегда. И тут в голове у неё что-то оборвалось, как нить в шкатулке с бисером, - и Беверли Блейк умерла. Не от устриц - устрицы были прекрасны, она сама их выбирала. От молчания. От слова "не могу". От сына, который впервые в жизни чего-то не попросил, а сказал.

Врачи сказали: инсульт. Гости сказали: шок. Тётя Мод, сидя в первом ряду на похоронах, сказала: от гордыни.

Беверли, летавшая под потолком собственного званого вечера и смотревшая на своё тело, повёрнутое в профиль, думала о другом: она не сказала последнее слово. За пятьдесят восемь лет публичной жизни - впервые. Не сказала. И от этого - умерла.

ГЛАВА 3

Год спустя. В начале марта.

Ник Блейк вошёл в "Перо и свадьбу" снова - во второй раз за год, и Дженнифер уже научилась узнавать его шаги по стёклам: он всегда толкал дверь плечом, а не рукой, и всегда оставлял на двери отпечаток ладони - или это были её глаза.

"Триста конвертов?" - спросила Дженнифер.

"Триста приглашений, - сказал Ник. - На юбилей дома. Дому шестьдесят лет, он старше меня. Я хочу его отпраздновать".

"Вы отмечаете день рождения дома".

"Я отмечаю день рождения дома, - подтвердил Ник. - Приходят сто человек, и все смотрят на дом, а не на меня. Это идеальный вечер".

Дженнифер засмеялась. Ник смотрел на неё так, будто засмеялся он сам.

Работали над приглашениями две недели. Ник приходил вечером, сидел напротив, разбирал чертежи, пил кофе, рассказывал, как перестраивал старые дома: "Дом - это тело, - говорил он. - Люди думают, что дом - это стены. Дом - это то, что о нём помнят".

"А что о нём помнят?" - спрашивала Дженнифер.

"Кто в нём смеялся".

На вечер юбилея Дженнифер пришла как гостья - Хлоя притащила её "для смеха и для света". В саду горели гирлянды, играл квартет, стол был длинный, вино было из долины Напа, и Дженнифер написала от руки имена всех ста гостей на местах за столом - по просьбе Ника, бесплатно, за здравие.

В двенадцать ночи Ник вытащил её на середину сада. Квартет - как договаривались с самого начала - заиграл медленную.

"Я строю дома, - сказал он. - И умею строить. Но умею только стены. Меня не учили строить то, что внутри".

"Внутри что?"

"Внутри ты, - сказал Ник. - Дженнифер, я тут наивный. Я не умею это красиво. Я умею только прямо. Будь моей женой".

И Дженнифер Миллер, писец по именам, стояла в саду, где горели гирлянды, и понимала, что имя, которое она так красиво писала на конвертах и табличках, теперь будет носить её.

"Да, - сказала она. - Смотри, я даже сразу - без диктанта".

А под старым дубом, в тени, где стояло кресло, на котором любила сидеть Беверли, было темно. Пузырь, чихуахуа Беверли, восемь лет, злая, в бархатном ошейнике, посмотрел туда и сказал очень тихо "гав". Потом ещё раз.

Пузырь всегда видел то, чего не видели другие. Пузырю не доверяли. Пузырь переживал.

ГЛАВА 4

Переезд в дом на Каньон-роуд был юридически странным: дом был не продан, не завещан, он был просто жив. Ник сказал: "Мама хотела, чтобы он остался в семье, а не чтобы стоял и гнил", - и Дженнифер переехала. Хлоя спросила: "Ты уверена?" Дженнифер сказала: "Я уверена в Нике". Хлоя сказала: "Я не про Ника. Я про дом. Дома тоже имеют характер, и твой характер - в жемчуге".

Первые недели были тихими. Потом началось.

Сначала - мелочи. Свеча на обеденном столе, зажжённая по пятницам "просто так" - Дженнифер не зажигала. Часы в холле, остановившиеся в 8:14, - время смерти Беверли. Пузырь, который по ночам сидел у лестницы и смотрел в пустоту.

Потом - тапочки. В прихожей стояли тапочки Беверли - фиолетовые, с бантом, тридцать восьмой размер, не чей больше. Дженнифер хотела их выбросить. Они оказывались на других местах. На третьей неделе Дженнифер нашла их у себя в ванной - на коврике, носами в сторону двери, как будто их поставили, чтобы она оттуда вышла.

"Ник, - позвала она однажды ночью. - Ты ставил тапочки?"

"Я? - Ник проснулся. - Я их видел в последний раз на твоих ногах".

"На моих? - Дженнифер посмотрела на ноги. - Я спала в них?"

"Ты спала в них, - сказал Ник. - Я думал, это мило".

"Это не мило, - сказала Дженнифер. - Это тридцать восьмой размер".

"У тебя тридцать седьмой".

Дженнифер сидела в кровати и слушала, как в холле тикают часы, которые не должны тикать, потому что они остановились в 8:14. Часы тикали. И тик-так был ровный, как метроном.

"Ник".

"Что".

"Мне кажется, в доме кто-то есть".

"Это дом, - сказал Ник. - Дом старый, скрипучий".

"Дом не ставит тапочки, - сказала Дженнифер. - И дом не зажигает свечи по пятницам".

Ник уснул. Дженнифер не спала. В четыре утра дверь в гостиную - та самая, тяжёлая, ореховая - закрылась сама. Тихо. Аккуратно. С уважением к петлям.

Дженнифер сидела в темноте, и ноги у неё были холодные, и тапочки с бантом стояли на коврике носами к ней, и на них была аккуратно повязана ленточка, которой раньше не было.

"Меня зовут Дженнифер, - сказала она в пустоту. - Я жена вашего сына".

В ответ часы в холле сделали один удар - короткий, как ответственное слово.

И всё.

ГЛАВА 5

Первая настоящая беда случилась в апреле - на смотринах дома, куда Ник позвал тридцать человек: архитекторов, клиентов, юристов и одного фотокорреспондента "Хроники Холмов". Дженнифер стояла на кухне и делала лимонад. В холле стоял Ник и принимал гостей.

В 15:40 лопнул кран.

Не просто лопнул - застрял. Поток пошёл вверх, как в американских горках, и окатил фотокорреспондента с камерой в руках, и камера умерла, и все фотографические планы умерли вместе с ней.

Дженнифер прибежала в холл с полотенцем. Вода уже высыхала. Все тридцать гостей стояли по углам сухие и не понимали, откуда брызги.

"Кто открыл кран?" - спросила Дженнифер.

"Никто, - сказал Ник. - Все были здесь".

"Никто не был в кухне?"

"Никто не был в кухне".

Дженнифер вошла в кухню. Кран был закрыт. Пол был мокрый. И на полу, аккуратно, носами в сторону двери, стояли тапочки с бантом.

Вечером Ник предложил вызвать сантехника, Дженнифер предложила вызвать священника, Хлоя - пришедшая к ним на ужин - предложила вызвать экстрасенса из Пасадины.

"Мадам Роза, - сказала Хлоя. - Она реальная. Она видела моего дедушку".

"У тебя дедушка умер?"

"У меня дедушка в Палм-Спрингс, - сказала Хлоя. - Мадам Роза его видела и сказала, что он загорает".

"А он загорает?"

"Каждый день".

"Пусть мадам Роза приходит, - сказала Дженнифер. - Пусть она посмотрит".

Ник посмотрел на жену и сказал: "Ты веришь в это?"

"Я верю в тапочки, - сказала Дженнифер. - Тапочки - это факт".

И мадам Роза пришла в четверг - в платке, с браслетами, с сумкой, в которой стояло пять свечей, зеркало и фотография кого-то, кто улыбался как продавец подержанных машин.

Сеанс начался в гостиной. Свечи были зажжены. Пузырь сидел под креслом и смотрел в угол.

"Здесь есть присутствие", - сказала мадам Роза.

"Присутствие?" - спросил Ник.

"Присутствие, - сказала Роза. - Женщина. Сильная. Она говорит..."

И тут же в гостиной, над столом, вспыхнула и погасла люстра. Пузырь сказал "гав". Мадам Роза открыла глаза.

"Она не хочет говорить через меня, - сказала Роза. - Она говорит, что я неудачница".

"Она сказала это?" - спросила Дженнифер.

"Она сказала это так ясно, - сказала Роза, - что я чуть не ответила вслух".

И мадам Роза собрала свечи, зеркало и фото, сказала, что в этом доме с ней работать невозможно, взяла деньги за визит, вернула половину и уехала в Пасадину.

Вечером, когда Ник ушёл в студию, Дженнифер осталась одна. Пузырь вышел из-под кресла, прошёл к лестнице и сел там - к пустоте.

"Ты меня видишь?" - спросила Дженнифер.

Пузырь посмотрел на неё.

"Ты её видишь?"

Пузырь посмотрел в пустоту на лестнице.

"Хорошо, - сказала Дженнифер. - Тогда говорим с тобой. Кто ты? Покажи".

В холле часы в 8:14 пошли обратно: тик-так, тик-так, тик-так.

И Дженнифер поняла, что дом не просто старый скрипучий. В нём кто-то живёт. И зовут её, судя по всему, Беверли.

ГЛАВА 6

Меган Прескотт появилась в апреле - на благотворительном вечере в отеле "Пендл", где её сопровождал новый муж, банкир по имени Стив, скучный, как счёт за электричество.

Она увидела Дженнифер через зал - и пошла.

"Значит, это ты, - сказала Меган. - Ты та самая".

"Та самая, которая?"

"Которая вместо меня, - сказала Меган. - Я тебе не враг, Дженнифер. Я тебя разглядела. Ты в этих кольцах выглядишь как человек, который нашёл их на распродаже".

Дженнифер посмотрела на своё обручальное кольцо. Оно было простое, платина, без всяких - а семейное кольцо Блейков было ещё в сейфе, оно переходило от невестки к невестке и не вставало Никну руку, потому что его никто не предлагал.

"Ты пришла пожелать счастья?" - спросила Дженнифер.

"Я пришла посмотреть, - сказала Меган. - Беверли хотела, чтобы ты потерялась. Я просто хочу увидеть, как это произошло".

"Как что произошло?"

"Как ты выиграла".

"Я не играла".

"Все играют, - сказала Меган. - Одни играют в карты. Другие играют в то, что не играют. Вторые выигрывают чаще. Скажи мне, как ты это делаешь, и я перестану тебя ненавидеть".

"Я не умею, - сказала Дженнифер. - Я просто люблю его".

Меган смотрела на неё долго. Потом посмотрела в сторону стола с шампанским, где Ник стоял с юристом.

"Знаешь, - сказала она. - Беверли бы тебя убила".

"Она пыталась".

"Она пыталась?"

"Дольше, чем ты думаешь, - сказала Дженнифер. - И ей не удавалось. И это пугает".

Меган, на секунду, посмотрела на Дженнифер с уважением.

"Знаешь, - сказала она. - Я тоже боюсь. Уже год. Приходишь домой, а в доме нет этого запаха - роза, жасмин, пудра - и нет ни одного человека, который бы тебе сказал, что ты неправа".

"И?"

"И я не знаю, - сказала Меган. - Я просто хочу, чтобы ты знала: я не враг".

Она протянула руку. Дженнифер пожала её. И где-то в зале - там, где стоял хрустальный канделябр, - погас и загорелся один огонёк.

Дженнифер заметила. Меган - нет. Меган не знала, что в этом городе даже канделябры слушают.

ГЛАВА 7

Через неделю после переезда Ник позвал Дженнифер на "малый ужин" - так в доме Блейков назывался обед с дюжиной ближайших друзей, который Беверли устраивала каждое первое воскресенье месяца и который не проводился год.

"Мама бы не простила, если бы мы его пропустили, - сказал Ник. - Она говорила: маленький ужин - это то место, где выясняется, кто друг, а кто подписчик".

Приглашения - разумеется, от руки, Дженнифер писала их сама, и на девятом приглашении - для Сьюзен Кэссиди - рука дрогнула: "дорогая Сьюзен" вышла слишком дорогой. Дженнифер переписала.

В воскресенье пришли одиннадцать человек. Двенадцатым креслом осталось пустым - у окна, там, где любила сидеть Беверли. Дженнифер заметила это и ничего не сказала.

За ужином говорили о домах - о ценах, о листингах, о том, кто кого обогнал на Уилшире. Стены слушали. Часы тикали.

И тогда юрист Хэлфорд - седой, точный, из тех людей, у которых улыбка - это рубрика, - сказал:

"Ник, дом прекрасен. Но у меня к тебе вопрос деловой. Ты планируешь продавать?"

"Нет".

"Тогда как ты планируешь платить налог на поместье? Дом - это тридцать миллионов, Ник. Наследство - это не только жемчуг".

"У меня есть год, Хэлфорд".

"У тебя есть год, - сказал Хэлфорд, - и у тебя есть жена. Два разных вида ресурсов, и второй дешевле".

Дженнифер положила вилку.

"Хэлфорд, - сказала она. - Я слышу вас. И мой ответ: я не ресурс".

"Я не это имел в виду".

"Вы это имели в виду, - сказала Дженнифер. - Просто вы говорите так, как учат говорить в юршколе: мягко, чтобы не было слышно жестокости. В Кливленде мы говорим жёстче. Меня не продают, Хэлфорд. Меня не закладывают. И если в этом городе это оскорбление - то я в этом городе впервые".

За столом стало тихо. Хэлфорд поднял бокал - медленно, с уважением человека, который проиграл партию.

"За жену, - сказал он. - Которая пишет красивее, чем думает юристы".

И в этот момент в пустом кресле у окна - там, где никого не было, - раздался тихий звук. Такой звук издают одобряющие: короткий стук бокала о стол. Один раз.

Одиннадцать живых людей не услышали. Двенадцатый - услышал.

ГЛАВА 8

Мадам Роза вернулась через месяц - по собственной инициативе, без звонка. Она позвонила в дверь, вошла в гостиную и сказала:

"Я пришла извиниться".

"За что?" - спросила Дженнифер.

"За то, что я сбежала. Я экстрасенс с двадцатилетним стажем. Я видела духов в Лас-Вегасе, в подвале отеля и на съёмках сериала. Я ни разу не сбежала. А тут - сбежала. И всю ночь думала: мадам Роза, ты трусиха. И вот - пришла".

Она села в кресло, положила на колени сумку и сказала:

"Давайте ещё раз. Я не буду сбегать. Я обещаю".

Ник сидел в углу. Пузырь сидел на ковре. Свечи зажгли. Роза закрыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.